

СКАЗОЧНЫЙ ТЕКСТ «ТЕРЕМОК» КАК ФАКТ ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЫ

В. И. Коваль

Русская народная сказка «Теремок», как и другие довольно известные сказки – «Репка», «Колобок» – представляет собой «классический» образец кумулятивного фольклорного текста: сказочный сюжет развивается в данном случае «по нарастающей», и представление каждого нового персонажа происходит вслед за перечислением ранее представленных, уже известных «героев». Давая общую оценку русским кумулятивным сказкам, В. Я. Пропп отмечал: «Основной художественный прием этих сказок состоит в каком-либо многократном повторении одних и тех же действий или элементов, пока созданная таким способом цепь не порывается или же не рассыплется в обратном порядке» [Пропп 1976: 243].

Сравнение сюжета сказки «Репка» с содержанием сказки «Теремок» позволяет заметить, что «цепочка» персонажей в первом случае строится по принципу уменьшения, в то время как во втором сюжете – по принципу расширения ограниченного пространства, нарастания опасности: в начале сказки в «теремок» приходят крошечные насекомые (в разных вариантах сказки – муха, комар, блоха, вошь), а в ее финале – громадный медведь. При этом теремочный сюжет выглядит по сравнению с «репковским» как совершенно алогичный: «В «Репке» создание цепи мотивированно и внутренне необходимо, во втором случае («Теремок») никакой логической необходимости в появлении все новых и новых зверей нет» [Пропп 1976: 244-245].

Богатый материал, позволяющий адекватно понять данный сказочный текст, содержится в архаичных, «неадаптированных» сказках, опубликованных в первом томе «Народных русских сказок» А. Н. Афанасьева. Здесь представлено три варианта сказки под общим названием «Терем мухи», каждый из которых, отличаясь от других текстов деталями, завершается либо разрушением мирного

жилища зверей, либо их внезапной, ничем не спровоцированной гибелью.

В первом сказочном тексте сообщается о том, что в терем, который построила муха (муха-горюха), последовательно заселяются вошь-поползуха, блоха-попрыдуха, комар-долгоногий, мышечка-тютюрюшечка, ящерка-шерошерочка, лиса Патрикеевна, заяюшка из-под кустышка, волчище серый хвостище. Пришедший к построенному мухой терему «медведь толстоногий – тятпыш-ляпыш, всем пригнетыш» совершает жестокий и безрассудный, ничем не мотивированный поступок: он «ударил лапой по терему и разбил его».

Во втором тексте функцию помещения для животных выполняет потерянный мужиком кувшин. В него помещаются муха-шумиха, комар-пискун, мышь – из-за угла хмыстень, лягушка – на воде балакта (от *балакать* 'болтать'. – Примеч. А. Н. Афанасьева), заяц – на поле свертень, лисица – на поле краса, собака – гам-гам, волк – из-за кустов хап. С появлением медведя – «лесного гнета» – произошла катастрофа, поскольку он «сел на кувшин и всех раздавил».

Зачином третьего варианта рассматриваемой сказки является предложение «Лежит в поле лошадиная голова». В это странное и еще более неподходящее, чем кувшин, помещение последовательно заходят мышка-норышка, лягушка-квакушка, заяц – на горе увертыш, лиса – везде посकोкиш, волк – из-за кустов хватыш. Медведь, который в этом варианте сказки характеризуется как «всех давишь», умерщвляет мирно сосуществующих живущих в лошадином черепе животных: «Сел на голову и раздавил всех» [Народные русские сказки 1984: 104-105].

По аналогичному сценарию развивается сюжет и в белорусских сказочных текстах из собрания «Беларуская народная творчасць». Так, в сказке «Мышка-рандышка» в рукавичку, которую потеряла пани, поселяются *Мышка-рандышка, Жабка-чарапка, Ліска-курашчопначка, Зайчык-капуснічак; Ліс, што ўсіх пагрыз; Воўк, што ўсіх тоўк*. Появившийся Медведь (*Мядзведзь, што ўсіх пагнець*) садится на рукавичку и всех придавливает [Казкі пра жывёл 1971: 262–263]. В другом тексте – «Дзедава рукавічына» – в потерянной дедом рукавице мирно уживаются *Люгашка – па-*

ня-пацягуня, Рак-тарабун, Зайчык – па бярэзнічку прыгун, Лісіца – добра маладзіца, Воўк – з-за куста хапун. Приход к рукавице Медведя (Мядзведзь – зверху паціскун) завершается трагедией: *Улез наверх, як ціскануў – і паціскнуў усіх на праснак* [Казкі пра жывёл 1971: 265–266].

Наличие в незамысловатом сказочном сюжете неожиданной трагической развязки вызывает у современных родителей закономерное недоумение: «Там медведь – «всех давишь» – просто пришёл и порушил домик! На этом сказка заканчивается! А где мораль? Чему учит сей шедевр?!» [Курочка ряба]. Понятно, что подобный финал сказки не укладывается в позитивно ориентированное детское сознание, и потому привычный для всех текст сказки «Теремок» в обработке А. Н. Толстого завершается более смягченно, почти мирно: «Сел медведь на горшок, горшок раздавил и всех зверей распугал». В таком случае раздавленный медведем горшок воспринимается всего лишь как проявление устойчивых представлений о неуклюжести, неповоротливости медведя. Сравн.: **медведь**, разг. ‘о крупном, сильном, но грузном и неуклюжем, неловком человеке’ [Словарь русского языка 1982, II: 242]. Вполне позитивно завершается сказка «Теремок» и в обработке детского писателя М. А. Булатова, в которой «разрушитель гармонии» назван привычно – *медведь косолапый*. После того, как звери пригласили медведя к себе, он полез на крышу теремка и, несмотря на предупреждение обитателей теремка («Да ты нас раздавишь!»), все же разрушил жилище: «Затрещал теремок, упал на бок и весь развалился». Все животные, однако, успели спастись и сразу же принялись за сооружение нового теремка: «Еле-еле успели из него выскочить: мышка-норушка, лягушка-квакушка, зайчик-побегайчик, лисичка-сестричка, волчок-серый бочок – все целы и невредимы. Принялись они брёвна носить, доски пилить — новый теремок строить. Лучше прежнего выстроили!» Очевидно, по мотивам этого сюжета был создан советский мультфильм «Терем-теремок» (автор сценария В. Сутеев; киностудия «Союзмультфильм», 1971): после разрушения теремка медведем все звери дружно и слаженно (включая виновника всеобщего несчастья – медведя) с энтузиазмом, под веселую, бодрую музыку строят новый,

просторный и удобный «многоуровневый» красавец-теремок, в котором каждому жильцу – от мухи до медведя – отведено отдельное помещение.

В стихотворной сказке-пьесе С. Я. Маршака «Теремок» смысловые акценты расставлены несколько иначе. Вначале в теремок поселяются мышка-норушка, лягушка-квакушка, петушок – золотой гребешок, ёжик – ни головы ни ножек, которые занимаются мирным трудом и отдыхают: *Мышь-норушка толочно толчет, / А лягушка пироги печет, / А петух на подоконнике им играет на гармонике. / Серый ежик свернулся в клубок, / Он не спит – сторожит теремок*. Другие животные – волк, лиса и медведь – образуют враждебную группу, стремящуюся грубым напором или хитростью взломать ворота, ворваться в теремок и съесть его обитателей. Так, волк в ответ на вопрос о том, что он умеет делать, прямолинейно отвечает: *Ловить мышат! / Давить лягушат! / Ежей душить! / Петухов потрошить!..* Однако победу в этом противостоянии одерживают миролюбивые, добрые и дружные животные – мышь, лягушка, петух и ёж, а хищники – волк, лиса и медведь – терпят позорное поражение.

Действующими лицами в сказке В. Бианки «Теремок» являются животные, которые последовательно заселяются в дупло дуба, угрозами и запугиваниями вытесняя своих предшественников. Последним к дуплу-«теремку» приходит медведь, который на вопрос *Терем-теремок, кто в тереме живет?* получает следующую информацию: *Жил Дятел пестрый – нос острый, жил Скворец – первый в роце певец, жил Сыч – попадешь ему в когти – не хнычь, жила Белка – по веткам скакала, по дуплам сидела, жила Куница – всех малых зверей убийца, а теперь мы живем – пчелиный рой – друг за дружку горой*. Медведь, называющий себя *Мишка – вашему терему крышка*, как и в традиционном сказочном сюжете, разрушает дупло-«терем», дававшее приют разным животным: *Влез на дуб, просунул голову в дупло да как нажал! Дуб-то пополам и расселся. Теремка-то и не стало*.

В современном медиа-дискурсе слово *теремок* развивает контекстуально обусловленную семантику ‘помещение (пространство, территория, страна), где мирно сосуществу-

ют (или должны мирно сосуществовать) представители разных национальностей и разных культур'. Так, статья, посвященная многочисленным проблемам трудовых мигрантов в России, завершается фразой, представляющей в образе хрупкого теремка целую страну, которой угрожает разрушение в том случае, если эти проблемы не будут решены: «Численность мигрантов, находящихся на территории России, достигает 12 миллионов человек, из них около 6 миллионов вовлечены в трудовую деятельность; 80 % трудовых мигрантов в России работают нелегально. Государство недополучает налоги, россияне страдают от заниженного уровня зарплат, а сами мигранты фактически бесправны. Все это требует незамедлительного наведения порядка. Если мы не хотим, чтобы наш тесный теремок, под названием Российской Федерация не рухнул окончательно» [Новая сказка о теремке].

При интерпретации сказки «Теремок» следует, на наш взгляд, учитывать семантику производящего слова – историзма *терем* – ‘замок боярский’ [Даль 1980, 4: 400]; ‘жилое помещение в верхней части богатых хором или дом в виде башни в древней Руси’ [Словарь русского языка 1984, 4: 357]. Обращение к ресурсам Национального корпуса русского языка (URL: www.ruscorpora.ru) позволяет выявить наиболее частотные определения к слову *терем*, указывающие а) на его особо привлекательный внешний вид (*резной, златоверхий, расписной, великолепный, волшебный, сказочный, пышный*) и б) на высокий социальный статус живущих в нем людей (*царский, боярский, княжеский*). Во многих случаях встречаются более развернутые описания «теремного экстерьера»: *терем с резными наличниками, коньками по крыше; русский терем, украшенный традиционной рязанской домовою резьбой; терем в русском стиле с высоким-превысоким крытым крыльцом с петухами и деревянными полотенцами; терем сказочный со стенами бревенчатыми, с крыльцом тесовым, резными да кружевными наличниками по окнам*. Совершенно неслучайно, что в пушкинской «Сказке о рыбаке и рыбке» старик видит свою старуху, ставшую столбовой (т. е. потомственной) дворянкой, живущей именно в тереме: *Воротился старик ко старухе. / Что ж он*

видит? Высокий терем. / На крыльце стоит его старуха / В дорогой собольей душегрейке... Терем – местонахождение «зазнобы» в известной песне: Живет моя зазноба/ В высоком терему/, А в терем тот высокий/ Нет хода никому... Таким образом, можно предположить, что терем в русском национальном сознании выступает в качестве некоего эталона, образца внешне привлекательного, престижного и, как правило, существующего лишь в воображении, в мечтах простых людей жилища – некоего идеального микромира.

В связи со изложенным, начало сказки «Терем мухи» – *Построила муха терем* – не может не вызвать улыбки, и его следует понимать условно, символично: сооружение пусть небольшого, но вполне пригодного для существования жилища-«терема» вполне по силам и одному (даже такому слабому и внешне непривлекательному, как муха) человеку. Следует, однако, учитывать, что муха в традиционной культуре воспринимается как «нечистое насекомое, родственное гадам, имеющее ряд общих черт с другими жалящими насекомыми». По народным поверьям, «мухи – это пчелы дьявола, который создал мух, позавидовав Богу, сотворившему пчел». Обратим внимание и на то, что кроме мухи, в терем после нее заселяются комар и блоха – именно эти три насекомые, согласно южнославянским верованиям, «произошли от трех попавших на тело человека искр от змеиною удара хвостом по углям» [Гура 2004: 340-341]. Именно поэтому помещенная в начале сказки (т. е. в «сильной» позиции текста) фраза *Построила муха терем* звучит не только иронично, но и в определенной степени мистично, поскольку в ней предсказан, «запрограммирован» неизбежный крах сооружения, построенного «нечистым» существом – порождением дьявола.

С учетом «мифологического пространства» вполне закономерными выглядят во втором и третьем вариантах сказки такие аналоги сказочного терема – жилища животных, как кувшин и лошадиная голова.

Кувшин (горшок) в сфере народной духовной культуры «осмысливается как вместилище души и духов» и наделяется очевидными антропоморфными чертами, что проявляется на уровне соответствующей лексики: *горло, ручка, носик,*

черепки. В языке, паремииологии и поверьях горшок устойчиво отождествляется с головой человека (сравн. выражения типа *голова как пустой горшок*). В России горшок надевали на голову при изготовлении святочной маски быка, а в Украине и в Польше это же действие совершалось для того, чтобы обмануть бесов или ходячих покойников. Кроме того, хорошо известно использование горшка в похоронной обрядности: сожженные останки людей помещали в глиняные горшки-урны. Согласно «Повести временных лет», радимичи, вятичи и северяне сжигали своих мертвецов «и по семь, собравше кости, вложашу в судину малу и поставляху на столбе на путех» [Топорков 1995: 526–527]. Таким образом, горшок (кувшин), выполняющий в рассматриваемой сказке роль жилища различных персонажей, отнюдь не случаен: этот предмет домашней утвари наделялся в сознании наших предков важными сакральными свойствами и осмыслялся, видимо, как символ ограниченного, но вполне приспособленного для проживания разных людей (к тому же – обладающего апотропейными свойствами) пространства.

Более сложным и весьма архаичным является такой сказочный локус, как лошадиная голова (лошадиный череп). Конь в народных традиционных славянских верованиях осмыслялся как «одно из наиболее мифологизированных животных» и «воплощал связи с миром сверхъестественного, с «тем светом», был атрибутом мифологических персонажей; он связан одновременно с культом плодородия и погребальным культом» [Петрухин 1999: 590]. Такая двойственность, амбивалентность коня порождает противопоставленную символику конского черепа (в сказке – «лошадиной головы»): с одной стороны, известен полесский ритуал сожжения на купальском костре черепа лошади как воплощения ведьмы и смерти, а с другой – достаточно распространена общеславянская традиция использования конского черепа в качестве оберега скота, пчел, огорода [Петрухин 1999: 591]. Так, белорусы-полешуки использовали лошадиный череп для охраны пасеки, в украинском Полесье конский череп вешали в хлеву, чтобы не дохли свиньи; в Малопольше череп коня клали в хлеву под кормушки для оберега скота от различных болезней [Белова 2014: 508–509].

Как видим, загадочный «терем мухи» вполне соотносится с не менее загадочными, сакральными сказочными объектами – кувшином и лошадиной головой (конским черепом): все они объединены амбивалентной – жизнеутверждающей и смертоносной – символикой.

Интересная попытка осмысления текста сказки «Теремок» с точки зрения христианских моральных ценностей предпринята А. Карповым, который видит в этом тексте не «сказку-считалочку», «сказку-развлекалочку», а «сказку – загадку на загадке». Прежде всего, автор считает стоящий в поле теремок явным чудом, поскольку он вмещает самых разных «зверей». Далее им обращается внимание на то, что заселившиеся в теремок муха, блоха и комар, по сути являющиеся «завтраком» для лягушки, бесстрашно зовут ее к себе: «Ступай к нам жить». То же можно сказать и об удивительно мирном сосуществовании в теремке других потенциальных жертв – мышки и зайца и их всегдашних врагов, хищников – лисы и волка. Гармония отношений жителей теремка, по мнению А. Карпова, вполне закономерна, поскольку «теремок являет собою иное пространство, иной способ организации мира». Но теремок открывает двери для всех, он «доступен каждому, кто постучится, а потому – уязвим». Таким символом разрушения, краха теремка, воплощением зла выступает, по мнению автора, медведь – «самое грозное животное русской земли»: «Это тёмная, древняя сила, пришедшая разгромить небывалое мироустройство. Медведь не просится в теремок, он даже не даёт пригласить себя к новой жизни. Не будучи ничем спровоцирован, он сразу же разрушает, как бы реализуя программу, заложенную в его «титуловании» – «всех вас давишь». В целом же сказочный теремок, гостеприимно принимающий в свое такое ограниченное жизненное пространство разных животных, понимается А. Карповым как воплощение христианской церкви в ее материальном и духовном выражении: «С некоторыми оговорками в теремке можно увидеть символ Церкви. Он появляется в нарушение природной, естественной закономерности – теремок в поле не к месту. Так же и Церковь учреждается не в силу развития человеческого общества, а прямым вмешательством

Божиим. Церковь являет собой иную организацию бытия, иные принципы, чуждые житейскому рассуждению. Так же и теремок меняет обычные повадки животных. Церковь принимает каждого, оставившего прежнюю жизнь, через покаяние. И в теремке находится место любому. Церковь несёт людям радость и умиротворение. И в теремке царит мир, в некоторых вариантах сказки его насельники даже поют. Церковь претерпевает гонения, и теремок разрушается». Идея сказки «Теремок» заключается, таким образом, в утверждении христианских идеалов: «Во всяком случае, сказка учит, что любовь и взаимопонимание возможны, а также что они заслуживают бережного отношения. Не надо быть медведем – и теремок устоит. Христиански правильная сказка» [Карпов].

Автор еще одного интернет-материала также склонен видеть глубокий символический подтекст этого архаичного текста: «Сказка «Теремок» уже в самом названии обращает внимание читателя на некий дом, который вмещает в себя множество животных, дружно живущих друг с другом. «Теремок», как наша планета Земля, многообразен и многолик, в нём царит гармония и покой. Однако нарушить эту идиллию смог только один зверь, медведь». Автор к тому же считает, что последовательное заселение в теремок насекомых и животных отражает эволюцию различных жизненных форм на Земле, а появляющийся в финале сказки медведь является символом человека, который способен разрушить существующую в природе гармонию. Сама сказка, таким образом, представляет собой текст, в котором еще в глубокой древности было предсказано разрушительное, губительное воздействие человека на природу, имеющее, в конечном итоге, катастрофические последствия: «Сказка «Теремок» напрямую отождествляет медведя и человека, а сам Теремок с его обитателями – это планета Земля в своей первозданной гармонии. Отсюда и ключевая роль этого животного в произведении. **Сказка «Теремок»** – модель неблагоприятного развития событий на планете! Пришли люди, назвали себя Повелителями и трясут Теремок и всех его обитателей, как котят (то есть, как хотят)» [Сказка «Теремок»].

Антропоморфность медведя проявляется прежде всего в том, что в славянской мифологии его происхождение связывается с человеком, обращенным Богом в зверя в наказание за провинности и грехи: медведем стал человек, вздумавший напугать Христа, выскочив в вывернутом кожухе из-под моста ему под ноги; человек, отказавшийся пустить переночевать странника (странствующего Христа); человек за жажду власти, которая внушала бы людям страх. Человеческое происхождение медведя отражено также в многочисленных поверьях. Считалось, что если снять с медведя шкуру, то он выглядит как человек. Как и люди, медведь равнодушен к меду и водке. Доказательство его человеческого происхождения охотники видят в том, что на медведя и на человека собака лает одинаково – не так, как на других зверей. На женщин он нападает не затем, чтобы их съесть, а чтобы увести к себе и сожительствовать с ними. Верят, что от такого сожительства человека с медведем рождаются на свет люди, обладающие богатырской силой [Гура 2004: 211–212]. Медведь – единственное из крупных диких животных, которые имеют «человечьи» имена: *Миша, Мишка, Михаил Потапыч, Михаил Иванович Топтыгин*.

Очевидный человекоподобный комедийный образ медведя представлен в известном стихотворении Н. А. Некрасова «Генерал Топтыгин», в котором юмористическая ситуация создается на основе того, что перепуганный зритель станции принял сидящего в санях медведя за грозного генерала. Символом Московской олимпиады 1980 года был улыбающийся стоящий на задних лапах медведь – животное, воплощающее в русском национальном сознании Россию в целом и такие качества русских, как силу, выносливость, смелость.

Таким образом, можно предположить, что сказка «Теремок» принадлежит числу аллегорических фольклорных текстов-«посланий». В данном случае через привычные образы животных представлено осмысление одной из самых важных (и «вечных») проблем – проблемы взаимоотношения между людьми, имеющими разный социокультурный статус, и пагубности вмешательства в эти отношения сторонней грубой разрушительной силы.

Литература

1. Белова, О. В. Череп / О. В. Белова // Славянские древности: этнолингвистический словарь. – М., 2014. – Т. 5. – С. 508–510.
2. Гура, А. В. Медведь / А. В. Гура // Славянские древности: этнолингвистический словарь. – М., 2004. – Т. 3. – С. 211–215.
3. Гура, А. В. Муха / А. В. Гура // Славянские древности: этнолингвистический словарь. – М., 2004. – Т. 3. – С. 340–343.
4. Даль, В. И. Толковый словарь живого и великорусского языка / В. И. Даль. – Т. 4. – Москва, 1980.
5. Казкі пра жывёл і чарадзеіныя казкі / рэд. В. К. Бандарчык. – Мінск, 1971.
6. Карпов, А. Теремок [Электронный ресурс] / А. Карпов. – Режим доступа: <http://culturolog.ru/index.php?option=com>. – Дата доступа: 07.07.2016
7. Курочка-ряба и прочие сказки [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://alyfinur.blogspot.com.by/2013/04/blog-post_26.html. – Дата доступа: 31.10.2016
8. Народные русские сказки А. Н. Афанасьева: в 3 т. / А. Г. Барг, Н. В. Новиков. – Т. 1. – М., 1984.
9. Новая сказка о теремке, или взгляд на иммиграцию со стороны [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.u-f.ru/Article/eksklyuziv/635727>. – Дата доступа: 17.09.2016.
10. Петрухин, В. Я. Конь / В. Я. Петрухин // Славянские древности: этнолингвистический словарь / под ред. Н. И. Толстого. – М., 1999. – Т. 2. – С. 590–594.
11. Пропп, В. Я. Кумулятивная сказка / В. Я. Пропп // Фольклор и действительность: избран. ст. – М., 1976. – С. 241–257.
12. Сказка «Теремок» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://govogga.ru/skazka-teremok>. – Дата доступа: 17.09.2016.
13. Словарь русского языка: в 4 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1982. – Т. 2: К–О.
14. Топорков, А. Л. Горшок / А. Л. Топорков // Славянские древности: этнолингвистич. словарь. – М., 1995. – Т. 1. – С. 527–530.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЙ ТЕКСТ
КАК ПРЕЦЕДЕНТ

Л. А. Козловская, А. О. Козловская

В 1995 г. в журнале «Вопросы языкознания» была напечатана статья А.Е. Супруна «Текстовые реминисценции как языковое явление» [Супрун 1995: 17–29]. С тех пор эта тема в разных терминологических вариантах прошла несколько этапов своего развития – от актуальной, интересной, практически значимой – до наскучившей, избитой и постепенно лишавшейся серьезного лингвистического внимания. Термин *прецедентный текст* (ПТ) в современной лингвистике трактуется достаточно широко. В частности, Ю. Н. Караулов к прецедентным текстам относит цитаты, имена авторов произведений, а также названия самих произведений [Караулов 1995: 93], В. В. Красных – произведения художественной литературы, тексты песен, тексты рекламы, анекдоты, политические тексты и др. [Красных 2002: 47–49].

Несмотря на несколько снизившийся к ним лингвистический интерес, прецедентные тексты активно эксплуатируются в самых разных сферах коммуникации, расширяется набор их функций, обнаруживаются новые формы и аспекты использования. Наряду с традиционным указанием на ПТ как на дополнительное средство экспрессии, выразительности, привлечения внимания, актуализации позиции автора вполне определенно можно рассматривать их в функции компонента непрямо́й коммуникации, способа самопрезентации, констатации ценностных ориентаций, инструмента формирования социальных моделей поведения и даже повода для развлечения. Прецедентных текстов вокруг много, они являются неотъемлемым элементом коммуникативной повседневности, встречаются в актуальных сферах коммуникации – в текстах печатных СМИ и на ТВ, в рекламе, на многих подручных видах печатной продукции (например, на календарях) и, разумеется, в социальных сетях. При этом иногда (и совершенно справедливо) ставка делается на самодостаточность прецедентных текстов, на их яркость, вы-